

ДЕРЕВЕНСКИЕ СЛУХИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (по материалам Центральной России)

П.А. Рыбаков

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения слухов в деревне Центральной России накануне и в начальный период массовой коллективизации. Исследуются основные причины возникновения слухов, их тематика, воздействие на формирование настроения и поведение сельского населения. Так, в предколхозный период основной темой слухов была война. Апогей этих слухов пришелся на вторую половину 1920-х гг. Показывается, что слухи о войне в изучаемом регионе имели довольно широкое распространение и оказывали серьезное влияние на поведение сельчан. В период сплошной коллективизации интенсивность и тематика слухов существенно расширяется, а сами слухи становятся одним из основных средств противоклхозной агитации и борьбы. Исследование построено на основе использования архивных материалов, материалов центральных и местных газет, сведений опубликованных документальных сборников.

Ключевые слова: деревня Центральной России, слухи, коллективизация, колхоз, крестьянство, сопротивление.

Для цитирования: Рыбаков П.А. Деревенские слухи накануне и в начальный период коллективизации (по материалам Центральной России) // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 320–328. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-320-328

320

VILLAGE RUMORS BEFORE AND DURING THE INITIAL PERIOD OF COLLECTIVIZATION (Based on Materials of Central Russia)

P.A. Rybakov

Abstract. The article deals with the problem of rumors spreading in the Central Russian village before and during the initial period of mass collectivization. The main reasons for the emergence of rumors, their topics, their impact on the formation of mood and behavior of the rural population are studied. Thus, in the pre-collectivization period the main topic of rumors was the war. These rumors reached their peak in the second half of the 1920s. It is shown that rumors about the war in the studied region were quite widespread and had a serious impact on the behavior of villagers. During the period of full collectivization the

© Рыбаков П.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

intensity and topics of rumors significantly expanded, and the rumors themselves became one of the main means of anti-kolkhoz agitation and struggle. The study is based on the use of archival materials, materials from central and local newspapers, and information from published documentary collections.

Keywords: *village of Central Russia, rumors, collectivization, collective farm, peasantry, resistance.*

Cite as: Rybakov P.A. Village Rumors Before and During the Initial Period of Collectivization (Based on Materials of Central Russia). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 320–328. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-320-328

Слухи являются одним из оригинальных источников по изучению общественного сознания, менталитета, а также эффективным средством воздействия на поведение людей. Значение слухов особенно возрастает в тяжелые, нестабильные периоды развития страны, атмосфера которых служит благоприятной средой для их возникновения. В связи с этим изучение слухов представляется особенно актуальным применительно к советскому периоду истории, поскольку он был наполнен драматическими и трагическими событиями, к числу которых относилась и коллективизация сельского хозяйства.

К настоящему времени отечественными и зарубежными исследователями уже накоплен определенный опыт в области изучения проблемы деревенских слухов накануне и в период коллективизации. Эта проблема в той или иной степени затрагивалась в большинстве исследований, посвященных общественным настроениям, массовому сознанию, повседневной жизни и т. п. [1–5]. Однако применительно к изучаемому региону проблема распространения слухов накануне и в годы коллективизации еще не рассматривалась.

В 1920-е гг. слухи являлись одним из главных источников информации для сельских жителей. Так, в одной из брошюр середины 1920-х гг. «Газета и деревня» писалось: «Сведения о нашей

внутренней и внешней политике, о событиях международной жизни деревня черпает не из газет... Информация газетная и негазетная проникает в деревню в виде своеобразнейших слухов» [6, с. 99]. Большая доверчивость крестьян к слухам во многом объяснялась недостаточной распространенностью официальных СМИ в сельской местности. Недаром в той же брошюре говорилось о важности распространения газет в деревне как одного из средств по борьбе со слухами: «Средств противодействия очень много, но главнейшим, сильнейшим и самым верным является газета. Надо во что бы ни стало добиться того, чтобы наша газета попадала в деревню и чтобы ее там читали» [там же, с. 118]. Другой причиной широкого распространения слухов в деревне был низкий образовательный и культурный уровень сельского населения. Так, в той же брошюре говорилось: «Слух ни в коем случае не является удовлетворением желания. Тут играет видную роль некультурность, отсталость, развинченность и расхлябанность, психология упадничества, которая содействует распространению всяких небылиц» [там же, с. 119].

Что касается авторства слухов, то, как правило, оно приписывалось кулакам, священникам, бывшим помещикам. Так, в упомянутой выше брошюре

отмечалось: «Бессильные бороться против советской власти открыто, церковь, буржуазия (средняя и отчасти мелкая), бывшие помещики выступают анонимно. Лишенные возможности отвратить народное сознание через печать, все эти поверженные нищ социальные слои населения очень искусно пользуются устной «газетой» — молвой, слухом, сплетней» [там же, с. 118].

Наиболее распространенной темой деревенских слухов в 1920-е гг. была война. Слухи о войне проявлялись с разной интенсивностью на всем протяжении 1920–1930-х гг. Причем слухи о войне сопровождали не только все внешнеполитические кризисы, но и буквально все мероприятия советской власти 1920-х – начала 1930-х годов [7, с. 264].

Поводом к возникновению слухов о войне становились тревожные новости о пограничных конфликтах СССР с соседними странами, сообщения об ухудшении международных и дипломатических отношений СССР с европейскими странами. Спровоцировать их могли и официальные заявления высших представителей партийного и военного руководства страны, постановления высших органов власти и партии. Так, 28 июля 1927 г. в газете «Правда» были опубликованы «Заметки на современные темы» И.В. Сталина, в которых говорилось «о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР — в особенности» [8, с. 322]. В резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль — август 1927 г.) тоже прямо указывалось: «Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода» [9, с. 175].

В качестве наиболее вероятных противников СССР в предстоящей войне выделялись две группы стран — великие державы (Англия, Франция, США, Япо-

ния, реже Италия) и непосредственные соседи СССР (Финляндия, Польша, Эстония, Румыния, Болгария, Турция, Китай) [2, с. 105].

Пик слухов о войне в изучаемом регионе пришелся на 1926–1927 гг. и 1929 г. Так, в разных районах Тульской губернии осенью 1926 г. распространялись следующие слухи: «На нас идет войной Польша, а с нею Англия и Франция»; «Начинается война с Польшей и уже с границы прибывают в Москву раненые»; «Скоро будет война, Польша заключила союз с Англией и Америкой и идет на Советскую власть» [10, с. 781]. В 1929 г. широкое распространение получили слухи о войне с Китаем из-за конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Так, в осенней спецсводке о настроении рабочих и крестьян Коломенского округа Московской области в связи с событиями на КВЖД отмечалось: «По всем районам округа отмечаются разные слухи и главным образом о том, что с Китаем СССР ведет якобы усиленную войну, что наша армия имеет много раненых, прибывающих эшелонами в Москву. Распространение этих слухов происходит от разных прослоек деревни» [11, л. 172]. В этой спецсводке приводились конкретные примеры таких слухов: «В Китай гонят много войска. В Сибири проходит мобилизация, идут сильные бои. В Москву прибывают эшелонами раненые» (Зарайский район); «Война на Китайской границе уже давно началась. В Коломну привезли 12 вагонов раненых» (Белоомутский район); «Война с Китаем началась. В Москву привозят много раненых, будут отбирать хлеб или заставлять его сдавать кооперативу по низкой цене» (Коломенский район); «Война началась. Только не говорят нам, боятся крестьянину дать винтовку, а то бы мы начесали бока некоторым» (Воскресенский район) [там же].

Слухи и разговоры о войне оказывали серьезное воздействие на формирование настроения крестьян. Так, в упомянутой выше спецсводке по Коломенскому округу отмечалось: «В настроении бедняцко-средняцкой части деревни, события на КВЖД сказались по-разному. По материалам окротдела большинство бедняков и середняков, осуждая бандитский поступок Китая, высказываются за необходимость принятия к нему решительных мер. В то же время со стороны отдельной части бедняцко-средняцкой прослойки деревни имеется целый ряд отрицательных моментов с настроением о том, что на случай войны воевать идти не следует, пусть воюют одни коммунисты и т. д.» [там же, л. 173]. Так, например, крестьянин-середняк села Акатьево Коломенского района в разговоре среди других крестьян заявил: «Китай пойдет на нас войной, жить будет лучше, власть сменится, будет много разных продуктов, а сейчас ничего нет, потому что Советской власти иностранные государства ничего не дают» [там же]. Середняк деревни Стребково Озерского района в группе крестьян говорил: «Мы не хотим войны и на войну не пойдем. Пусть на нас не надеются и нас не трогают» [там же].

Слухи о войне также самым непосредственным образом влияли на поведение крестьян. В частности, они приводили к массовым закупкам крестьянами товаров первой необходимости, вызывая их дефицит. Так, например, в спецсводке Рязанского губотдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) от 29 апреля 1929 г. отмечалось: «Слухи о войне вызвали среди почти всех прослоек крестьян стремление к закупке соли, керосину и других товаров, которых не было в достаточном количестве во время империалистической и прошлой гражданской войны. Низовые

кооперативы продают по 500 пуд. соли ежедневно, с большими трудностями удовлетворяя предъявляемый спрос населения на эти товары, так как последние физически не могут обслужить настолько возросший спрос и до сего небывалый, распродавая все имеющиеся запасы товаров. Запасы соли в отдельных (средняцких) хозяйствах достигают 20–30 пуд. при наличии небольшого числа едоков в хозяйствах. Наблюдаются единичные случаи продажи крестьянами скота с целью приобретения на вырученные деньги соли и других товаров (Рязанский уезд)» [12, с. 22–23].

С переходом к политике сплошной коллективизации в конце 1929 г. интенсивность слухов существенно возросла. Коллективизация кардинально нарушила традиционный уклад жизни деревни, спровоцировав огромную волну слухов. Пик слухов пришелся на зиму-весну 1930 г., когда насилие и репрессии при организации колхозов приняли особенно широкие масштабы.

Большинство слухов того времени принимали религиозную окраску. Так, в деревнях Екатерининского сельсовета Миловского района Тульского округа Московской области кулаки распускали слух, что коллективизация — «знамение о конце света» [13]. В селе Чуриках Горловского района того же округа поп Светлов, дьякон Измайлов и церковный староста Сырцов говорили населению, что уже родился антихрист, имя которого «колхоз», и что для успешной борьбы с ним по божьему повелению объявляется с 1 февраля по 1 марта месячный пост, в течение которого все должны отмаливать грехи, исповедоваться и причаститься [14]. В селе Телятники Сараевского района Рязанского округа Московской области церковники распространяли слух о том, что «скоро светопреставление,

что как только загонят всех в колхоз, так и наступит конец мира» [12, с. 406].

Довольно часто встречались слухи (в большинстве своем нелепые) об отвратительных и чудовищных нравах, творящихся в колхозах. Так, в Соболевском сельсовете Детчинского района Калужского округа Московской области кулаками распространялись слухи о том, что в колхозах питаются крысами, а в одной из коммун у двери заведующего удавилась коммунарка [15]. Во Владыкинском сельсовете Клинского района Московского округа кулаки распространяли слухи о том, что «в колхозе коровы дохнут, женщины передрались и удавился председатель коллектива» [16, л. 51]. В селении Любодицы Бежецкого района Бежецкого округа Московской области циркулировал слух о том, что «в колхозе будет свальный грех — жены и девушки будут общими, коллективными» [17]. В Крутецком сельсовете Нерльского района Кимрского округа ходили слухи о том, что «девушкам-колхозницам будут стричь косы и станут выдавать их замуж по очереди в те колхозы, где нет работниц» [18].

Весьма распространенными были слухи о массовом клеймении и обобществлении. Так, в деревне Клевцово Черепетского района Калужского округа кулацкая группа распространяла слухи о том, что «детей в колхозе будут клеймить горячим клеймом» [19]. В селе Копаново Ерахтурского района Рязанского округа жена кулака Копылова А., отговаривая от вступления в колхоз беднячек, распускала среди них такой слух: «В колхозе сперва будут клеймить скот, потом детей, а потом и вас самих — так сказано в священном писании» [12, с. 230]. В деревнях Михайлово и Губино Дмитриевского района Орехово-Зуевского округа подкулачники распускали нелепые слухи, о том, что «в коллективе весной будут

обобществлять детей, а осенью — кур и коров» [20].

Еще одним распространенным сюжетом слухов периода коллективизации было ожидание скорой войны, с которой связывалась надежда на избавление от большевиков и колхозов. Так, кулаки деревни Жировка Тульского района Московской области распространяли такой слух: «На нас идут семь держав. Они всех коммунистов и колхозников будут вешать» [21]. Лишенец села Середниково Дмитриевского района Орехово-Зуевского округа Жариков распускал злостные слухи о том, что «весной будет война, наступает гибель советской власти» [22]. В Ленинском районе Московского округа Московской области циркулировали слухи о том, что «Папа Римский за гонение на православную церковь идет в поход на СССР, что будет война, большевиков никто не поддерживает» [23, л. 86]. Крестьянин-середняк села Мышцы Ерахтурского района Рязанского округа А.Ф. Щекин распускал по деревне такие слухи: «Весной на нас пойдут войной 5 держав и все колхозное строительство вместе с властью полетит к чертям» [12, с. 402].

Факты широкого распространения слухов в период коллективизации отмечало и высшее партийное руководство Московской области. Так, выступая в январе 1930 г. на объединенном Пленуме МК и МКК ВКП(б), первый секретарь Московского областного комитета партии К.Я. Бауман говорил: «В связи с коллективизацией распускаются самые различные слухи. Говорят о том, что с неба упала книжка, по которой запрещено вступать в колхозы. Пускаются слухи, что в колхозах жены общие, все спят под одним семидесятиметровым одеялом... Особенно злостные слухи распространялись в связи с китайскими собы-

тиями, о том, что мы должны отправить более 2 млн. женщин в Китай, что китайцы не согласны с нами мириться, объявляют войну и т. п.» [24, с. 40].

Нагнетание антиколхозных слухов нередко приводило к тому, что крестьяне массово подавали заявления о выходе из колхозов. Причем особенно сильное воздействие слухи оказывали на поведение более восприимчивых к ним женщин. Так, в Дубенском районе Тульского округа циркулировавшие слухи о «семи-десятиметровых одеялах, под которыми будут укладывать мужчин и женщин», о «поголовном разделе женского барахла», о том, что «дети в колхозах будут без молока» и другие привели к тому, что по району происходили массовые демонстрации женщин с требованием выписать их из колхоза [25]. В деревне Некрасово Калужского района в результате распространяемых кулаками слухов о том, что «в колхозе будут подстригать всех женщин и волосы сдавать в утильсырье», наблюдались случаи массовой подачи со стороны женщин заявлений о выходе из колхоза [26]. В селе Токарево Касимовского района Рязанского округа распространявшиеся сектантами слухи о близкой войне, о клеймении детей клеймом антихриста стали для женщин побудительной причиной к выходу из колхоза [12, с. 435]. В селе льго-

во Северо-Рязанского района того же округа 4 февраля 1930 г. масса народа явилась в местный сельсовет и заявила о выходе из колхоза. Причиной выхода стал пущенный кулаками слух о том, что в колхозе бедноте будет жить труднее, т. к. старики, вдовы и нетрудоспособные ничего получать не будут, а скот у них заберут [там же, с. 340].

Некоторые слухи даже вызывали настоящую панику среди сельского населения. Так, в селе Дубровка Шиловского района Рязанского округа пущенный председателем церковного совета слух о том, что «детей колхозников в школе будут клеймить клеймом антихриста», привел к резкому сокращению посещаемости учащимися школы [там же, с. 244].

Таким образом, слухи были неотъемлемой частью повседневной жизни крестьян в 1920–1930-е годы и сопровождали все важнейшие события внутренней и внешней жизни страны. В условиях нехватки официальной информации, особенно в деревне, слухи служили одним из главных ее источников. Их распространителями были самые разные слои деревни. Причем слухи были не просто способом интерпретации тех или иных событий, а важным инструментом формирования протестной идеологии и одной из основных форм пассивного сопротивления крестьянства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов, И.О. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы: учебное пособие. Новосибирск, 1992. 96 с.
2. Голубев, А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.
3. Гайлит, О.А., Мамонтова, М.А. История российской повседневности: учебное пособие. Омск: Омский государственный университет, 2019. 128 с.
4. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 422 с.

5. *Виола, Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 367 с.
6. *Шафир, Я.* Газета и деревня. М.; Л.: Красная новь, 1924. 144 с.
7. *Голубев, А.* Слухи как форма бытования представлений о внешнем мире в советском обществе 1920-х гг. // *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: сборник статей.* Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 256–275.
8. *Сталин, И.В.* Заметки на современные темы // *Сочинения.* Т. 9. М., 1948. С. 322–361.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сборник документов. В 10 т. Т. 4. Ч. 2. 1926 г. / сост. Н.М. Перемышленникова и др. М.: Институт российской истории РАН, 2001. С. 705–1190.
11. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4566. Оп. 1. Д. 3.
12. Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения: документы и материалы /отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 749 с.
13. Враг рассвирипел. Решительно подавить сопротивление кулака // *Коммунар.* 1930. № 70. 27 марта.
14. *Ураев, Л.* Поповский «месячник» // *Коммунар.* 1930. № 38. 15 февраля.
15. Батраки, бедняки, колхозники! Укреплением колхозов окончательно уничтожим кулачество (обзор селькоровских писем) // *Коммуна.* 1930. № 49. 19 февраля.
16. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 261. Оп. 1. Д. 226.
17. Бой за колхоз // *Знамя коммуны.* 1930. № 19. 21 февраля.
18. *Виноградов, Г.* Массы заглушают кулацкий набат (от нашего специального корреспондента) // *Коллективная жизнь.* 1930. № 60. 14 марта.
19. Клевцовские кулаки и подкулачники терроризируют бедноту // *Коммуна.* 1930. № 102. 13 апреля.
20. Лицо колхоза им. «Колотушки» // *Колотушка.* 1930. № 68. 25 марта.
21. Озверевшее кулачье еще не встречает решительного отпора. Кулак обнаглел до крайних пределов // *Коммунар.* 1930. № 72. 29 марта.
22. *Волков, Г.* Сокрушить сопротивление кулака. По-большевистски провести весенний сев // *Колотушка.* 1930. № 68. 25 марта.
23. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 261. Оп. 1. Д. 260.
24. *Бауман, К.Я.* Социалистическое наступление и задачи Московской организации: доклад на объединенном Пленуме МК и МКК ВКП(б) 6–10 января 1930 г. // *Объединенный Пленум Московского комитета и Московской контрольной комиссии ВКП(б), 6–10 января 1930 г. М., 1930. С. 3–48.*
25. *Жуков, А.* Отсталость женщин-колхозниц — лазейка для кулацких выступлений // *За коллективизацию.* 1930. № 29. 7 марта.
26. Нелепую кулацкую сплетню надо разоблачать // *Коммуна.* 1930. № 63. 5 марта.

REFERENCES

1. Kuznecov, I.O. *Socialnaya psihologiya sibirskogo krestyanstva v 1920-e gody* [Social Psychology of the Siberian Peasantry in the 1920s: A Textbook]. Novosibirsk, 1992, 96 p. (in Russ.)
2. Golubev, A.V. “*Esli mir obrushitsya na nashu Respubliku*”: *sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920–1940-e gg.* [«If the World Falls on Our Republic»: Soviet Society and the External Threat in the 1920s–1940s]. Moscow, Kuchkovo pole, 2008, 384 p. (in Russ.)
3. Gajlit, O.A., Mamontova, M.A. *Istoriya rossijskoj povsednevnosti* [The History of Russian Everyday Life: A Textbook]. Omsk, Omskij gosudarstvennyj universitet, 2019, 128 p. (in Russ.)
4. Ficpatrik, Sh. *Stalinskie krestyane. Socialnaya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin’s Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: Village]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2001, 422 p. (in Russ.)
5. Viola, L. *Krestyanskij bunt v epohu Stalina: kollektivizaciya i kultura krestyanskogo soprotivleniya* [Peasant Revolt in the Stalin Era: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, Fond pervogo Prezidenta Rossii B.N. Elcina, 2010, 367 p. (in Russ.)
6. Shafir, Ya. *Gazeta i derevnya* [Newspaper and Village]. Moscow, Leningrad, Krasnaya nov, 1924, 144 p. (in Russ.)
7. Golubev, A. Sluhi kak forma bytovaniya predstavlenij o vneshnem mire v sovetskom obshchestve 1920-h gg. [Rumors as a Form of Existence of Ideas about the Outside World in the Soviet Society of the 1920s]. In: *Sluhi v Rossii XIX–XX vekov. Neoficialnaya kommunikaciya i “krutye povoroty” rossijskoj istorii* [Rumors in Russia of the XIX–XX Centuries. Informal Communication and the “Sharp Turns” of Russian History: A Collection of Articles]. Chelyabinsk, Kamennyjpojas, 2011, pp. 256–275. (in Russ.)
8. Stalin, I.V. Zametki na sovremennye temy [Notes on Modern Topics]. In: *Sochineniya. T. 9.* [Essays, vol. 9]. Moscow, 1948, pp. 322–361. (in Russ.)
9. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah sezдов, konferencij i plenumov Centralnogo komiteta (1898–1986). T. 4. 1926–1929* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986), vol. 4, 1926–1929]. Moscow, Politizdat, 1984, 575 p. (in Russ.)
10. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): sbornik dokumentov. V 10 t. T. 4. Ch. 2. 1926 g.* [“Top Secret”: Lubyanka — to Stalin about the Situation in the Country (1922–1934): A Collection of Documents, T. 4. Part 2. 1926], comp. N.M. Peremyshnikova et al. Moscow, Institut rossijskoj istorii, 2001, pp. 705–1190. (in Russ.)
11. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti* [Central State Archive of the Moscow region], fund 4566, inventory 1, file 3. (in Russ.)
12. *Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg. Hronika golovokruzheniya: dokumenty i materialy* [Ryazan Village in 1929–1930. Chronicle of Vertigo: Documents and Materials], ed. by L. Viola, S.V. Zhuravlev et al. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 1998, 749 p. (in Russ.)
13. Vrag rassvirepel. Reshitelno podavit soprotivlenie kulaka [The Enemy is Furious. Resolutely Suppress the Resistance of the Fist], *Kommunar* = *Communard*, 1930, No. 70, March 27. (in Russ.)
14. Uraev, L. Popovskij “mesyachnik” [Popovsky «Monthly»], *Kommunar* = *Communard*, 1930, No. 38, February 15. (in Russ.)

15. Batraki, bednyaki, kolhozniki! Ukrepleniem kolhozov okonchatelno unichtozhim kulachestvo (obzor selkorovskih pisem) [Farmhands, Poor People, Collective Farmers! By Strengthening Collective Farms, We Will Finally Destroy the Kulaks (Review of Selkorov Letters)], *Kommuna* = Commune, 1930, No. 49, February 19. (in Russ.)
16. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti* [Central State Archive of the Moscow Region], fund 261, inventory1, file 226. (in Russ.)
17. Boj za kolhoz [Battle for the Collective Farm], *Znamya kommuny* = Banner of the Commune, 1930, No. 19, February 21. (in Russ.)
18. Vinogradov, G. Massy zaglushayut kulackij nabat (ot nashego specialnogo korrespondenta) [The Masses Drown Out the Kulak Alarm (From Our Special Correspondent)], *Kollektivnaya zhizn* = Collective Life, 1930, No. 60, March 14. (in Russ.)
19. Klevcovskie kulaki i podkulachniki terroriziruyut bednotu [Klevtsovsky Kulaks and Podkulachniki Terrorize the Poor], *Kommuna* = Commune, 1930, No. 102, April 13. (in Russ.)
20. Lico kolhoza im. “Kolotushki” [The Face of the Kolkhoz Named “Beaters”], *Kolotushka* = Beater, 1930, No. 68, March 25. (in Russ.)
21. Ozverevshee kulache eshche ne vstrechaet reshitelnogo otpora. Kulak obnagleg do krajnih predelov [The Brutalized Kulaks Have Not Yet Met with a Decisive Rebuff. The Fist Has Become Insolent to the Extreme Limits], *Kommunar* = Communard, 1930, No. 72, March 29. (in Russ.)
22. Volkov, G. Sokrushit soprotivlenie kulaka. Po-bolshevistski provesti vesennij sev [Crush the Resistance of the Fist. In a Bolshevik Way to Carry Out Spring Sowing], *Kolotushka* = Beater, 1930, No. 68, March 25. (in Russ.)
23. *Centralnyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj oblasti* [Central State Archive of the Moscow Region], fund 261, inventory 1, file 260. (in Russ.)
24. Bauman, K.Ya. *Socialisticheskoe nastuplenie i zadachi Moskovskoj organizacii: доклад na obedinennom Plenumе Moskovskogo komiteta i Moskovskoj kontrolnoj komissii Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii bolshevikov*, 6–10 yanvarya 1930 g. [The Socialist Offensive and the Tasks of the Moscow Organization: A Report at the Joint Plenum of the Moscow Committee and the Moscow Control Commission of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, January 6–10, 1930]. Moscow, 1930, pp. 3–48. (in Russ.)
25. Zhukov, A. Otstalost zhenshchin-kolhoznic — lazejka dlya kulackih vystuplenij [Backwardness of Women Collective Farmers — A Loophole for Kulak Speeches], *Za kollektivizaciyu* = For Collectivization, 1930, No. 29, March 7. (in Russ.)
26. Nelepuyu kulackuyu spletnyu nado razoblachat [Ridiculous Kulak Gossip Must Be Exposed], *Kommuna* = Commune, 1930, No. 63, March 5. (in Russ.)

Рыбаков Павел Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет, rybakov_ok@mail.ru

Pavel A. Rybakov, PhD in History, Lecturer, Social, Humanitarian and General Legal Disciplines Department, Moscow University of Finance and Law, rybakov_ok@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2023. Принята к публикации 28.07.2023

The paper was submitted 19.06.2023. Accepted for publication 28.07.2023